

Электронный научно-образовательный журнал «История».
2013-2024

ISSN 2079-8784

URL - <http://history.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 6 (140) Том 15 - Микроистория и история частной жизни.
К 100-летию Ю. Л. Бессмертного | Военные конфликты в Большом
Средиземноморье. 2024

Милое семейство британского посла в Петербурге и «большая политика» Екатерины II

Смилянская Елена Борисовна

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Российская Федерация, Москва*

Аннотация

Семейный архив шотландских аристократов Кэткартов (Cathcarts, Каткартов, Каскартов), до последнего времени не привлекавший серьезного внимания исследователей, содержит богатый материал для размышлений о «диффузии» публичного и частного в истории (о чем размышлял Ю. Л. Бессмертный). Чарльз, 9-й лорд Кэткарт, был чрезвычайным послом при российском дворе с 1768 по 1772 г. От миссии Кэткарта осталась не только обширная дипломатическая корреспонденция, но и частные бумаги, включая дневники и записки супруги посла леди Джейн (1726—1771). В основе статьи лежат переводы рукописных дневников леди Джейн. На основании этих семейных записей представлены возможные траектории изучения ролей членов семьи посла в реализации задач дипломатической миссии во второй половине XVIII в. в России, в том числе в сфере культуры, личных контактов с российской императрицей, трансформации форм, как этикетного, так и частного общения.

Ключевые слова: британская дипломатия, Екатерина II, российско-британские отношения XVIII в., англофилия, семейный архив Кэткартов

Дата публикации: 31.07.2024

Источник финансирования:

Статья подготовлена по результатам проекта «Россия и русские в корреспонденции и дневниках британских дипломатов при дворе Екатерины II»

при поддержке фонда «Гуманитарные исследования» НИУ «Высшая школа экономики» в 2024 г.

Ссылка для цитирования:

Смилянская Е. Б. Милое семейство британского посла в Петербурге и «большая политика» Екатерины II // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2024. – Т. 15. – Выпуск 6 (140).

URL: <https://history.jes.su/s207987840031743-6-1/>. DOI: 10.18254/S207987840031743-6

¹ В 1996 г. в послесловии к получившему широкую известность сборнику «Человек в кругу семьи» Ю. Л. Бессмертный отметил, что «публичный и частный “ингредиенты” человеческих взаимоотношений <...> теснейшим образом переплетались <...> Противопоставление частного и публичного не исключает их перетекания друг в друга, их диффузии»¹. Безусловно, найти подтверждения этому заключению не составит труда на примерах разных эпох и культур, но только в тех случаях, когда историк располагает сопоставимыми и взаимосвязанными источниками: для реконструкции «частных ингредиентов» ими могут выступать в первую очередь эго-документы, а для осмысления «перетекания» частных взаимоотношений в общественные — документальный комплекс, отражающий публичную сферу деятельности исторической персоны.

² Семейный архив шотландских аристократов Кэткартов (Cathcarts, Каткартов, Каскартов²), в середине XX в. в своей значительной части переданный в Национальную библиотеку Шотландии, но до настоящего времени не привлекавший серьезного внимания исследователей³, содержит весьма богатый материал для размышлений о «диффузии» публичного и частного. От миссии Кэткарта осталась не только обширная дипломатическая корреспонденция, но и частные письма, тетради расходов, а также дневники супруги посла леди Джейн (1726—1771) — явно недооцененный и неопубликованный эго-документ⁴. Супруга шотландского лорда вела записи всю свою сознательную жизнь (сохранились дневники за 1745—1771 гг.), чаще по-французски, реже по-английски. Тетрадки размером с ладонь, судя по некоторым упоминаниям, леди Джейн носила с собой в кармане и фиксировала в них религиозные переживания, размышляла о своих чувствах, сообщала о повседневных заботах и впечатлениях от увиденного и прочитанного. Ведение дневника она рассматривала как долг и сетовала на себя, если пропускала несколько дней без хотя бы короткой записи: по ее мнению, подобная практика позволяла ей воспитывать благочестие, обуздывать темперамент и оценивать разумность своих поступков⁵. Ее очень радовало, когда ее примеру следовали ее дети⁶.

³ Если обратиться даже к небольшой части архива Кэткартов — бумагам 1768—1772 гг. за период пребывания семьи Чарльза, 9-го лорда Кэткарта, чрезвычайным и полномочным послом Британии при дворе Екатерины II, — то внимание к вопросам «перетекания», «диффузии» частного и публичного приводит к выяснению новых деталей и особенностей политики и культуры екатерининской эпохи в период воплощения российской императрицей просветительских проектов (от Уложенной комиссии до образовательных институтов), обретения воинской славы и укрепления международного положения

России (прежде всего, в результате побед в Русско-турецкой войне и начала Разделов Речи Посполитой), в благоприятнейший период в истории российско-британских военно-политических и культурных контактов. И именно о том, как *семья* посла могла внести свой вклад в решение «больших» и «малых» политических проблем, пойдет речь ниже.

4 Лорд Чарльз Кэткарт прибыл в Кронштадт в августе 1768 г. на специально снаряженном фрегате в сопровождении супруги, шестерых детей, их воспитателя, камердинера, горничных и прочей прислуги. До появления этой большой семьи английских и шотландских аристократов британская миссия в России временно состояла из двух посольских секретарей⁷. Во главе ее Кэткарт сменил Джорджа Маккартея, молодого и успешного дипломата, сумевшего добиться подписания нового торгового договора России и Британии, но в частной жизни не слишком осторожного: столичной общественности стали широко известны скандальные связи посла⁸, в том числе, с фрейлиной императрицы⁹, что могло послужить поводом для его отъезда из России. После этого прошел целый год, прежде чем в Петербурге появился новый британский представитель высокого статуса с большими полномочиями, и императрица Екатерина, судя по ряду свидетельств¹⁰, его ожидала с нетерпением и интересом. Кэткарт, назначенный послом еще в начале 1768 г., смог отправиться в путь только в июле, и главной причиной тому был частный семейный вопрос — трудная беременность и роды его супруги леди Джейн. Правда, за это время он подготовился к своей миссии, собрав информацию о России и британской политике в Балтийском регионе. Впрочем, так же тянул с отъездом в Лондон *vis-à-vis* Кэткарта, граф И. Г. Чернышев, прибывший в Англию в ранге посла даже позднее, чем Кэткарт в Россию. В этом дипломатическое равновесие было соблюдено.

5 Почему в Россию был отправлен Чарльз Кэткарт, член Палаты лордов, родовитый представитель шотландского элиты, кавалер Ордена Чертополоха, имевший в прошлом *военные* заслуги, но никогда не занимавший дипломатических постов? Свою роль здесь, вероятно, сыграла верность шотландца Кэткарта английской короне в опасный период восстаний сторонников Якова Стюарта. Как и его отец, Чарльз 9-й лорд Кэткарт сражался против якобитов в Шотландии, воевал против французов на континенте, и шрам, полученный в сражении при Фонтенуа во время войны за Австрийское наследство (1745 г.), будущий посол при Екатерине II носил с гордостью¹¹.

6 Кэткарт получил известность и как *политик*, возглавивший после смерти отца свой клан в 1740 г. и ставший одним из шестнадцати пэров от Шотландии в Палате лордов; в 1750 г. он был назначен полковником и генерал-адъютантом вооруженных сил Шотландии. Однако военный и политик, приближенный ко двору, имевший широкую сеть корреспондентов по всей Европе, Кэткарт пожелал прославиться и на новом, не менее полезном поприще — дипломатическом. Перед отъездом в Петербург 28 июля 1768 г. его супруга записала в дневнике: «У моего Дражайшего будет, по милости Бога, судьба, которую он так горячо желает, — вести *полезную жизнь, которая придаст ему удовлетворение и славу*». На следующий день Кэткарт в связи с посольством был принят королем, и в дневнике его жены появилась запись: «День был очень важным и радостным для моего Дражайшего <...> Он считает этот день великим для себя». Кэткарт,

действительно, делал все от него зависящее для заключения нового договора с Россией (в союзе с Данией и Швецией, как это планировалось изначально, или без других северных держав), быстро наладил дружеские отношения в Коллегии иностранных дел с графом Н. И. Паниным и Каспаром Сальдерном, отправлял в Лондон большой объем шифрованной корреспонденции¹², но в конце миссии в 1772 г. вынужден был признать, что в подготовке союзного договора все свои возможности он исчерпал.

⁷ Во главу российской миссии Кэткарта могли избрать и потому, что в Лондоне уже неплохо понимали предпочтения российской правительницы — новый посол должен был быть обаятельным человеком, уметь заинтересовать императрицу содержательным разговором, быть ценителем наук и искусств. Кэткарт этими качествами обладал и в России использовал их на этикетных приемах и в частных беседах с Екатериной за трапезой или карточным столом (хотя сам он не играл в карты, императрица приглашала его садиться рядом). При этом, судя по запискам его супруги, державшейся скромно и сдержанно, посол мог достойно показывать себя, оставаясь заметной фигурой при «блистательном» российском дворе: он был «элегантен», мог, если у него не было приступов подагры, целый вечер танцевать, превосходно держался верхом на прогулках с наследником Павлом и российскими вельможами и прочее.

⁸ Наконец, как представляется, не последнюю роль в назначении Чарльза Кэткарта послом в Санкт-Петербург сыграла его почти *идеальное супружество* (что было важно, дабы стереть из памяти скандал с его предшественником Маккартнеем). История семьи Кэткартов вполне могла бы стать сюжетом для большого романа, к тому же романа документального и иллюстрированного портретами всех членов семьи кисти Рейнольдса, Гейнсборо, Ромни, Адамса, Колло и других прославленных художников того времени¹³. С двадцатишестилетней Джейн (1726—1771), дочерью лорда-адмирала Арчибальда Хамильтона, управляющего госпиталем в Гринвиче, тридцатидвухлетний Чарльз Кэткарт встретился в конце мая 1753 г. Девушка только что вернулась из Парижа, где провела год с умирающей матерью. По возвращении в Лондон она заполняла страницы дневника меланхолическими рассуждениями. Так, в мае 1753 г. она записала: «Прибываю в Лондоне со скорбью в сердце, на все взираю с грустью. Мало-помалу встречаюсь с родственниками и друзьями и нахожу с ними удовлетворение, которое заглушает мою печаль». Но все стремительно изменилось всего за 11 дней — ей представили того, кто сначала «вызвал уважение», а затем и любовь: «Я решилась специально отправиться в компанию, чтобы увидеть человека, о котором упоминала ранее. Его внимание ко мне продолжается, хотя оно очень осторожное, я ощущаю себя счастливой». Через несколько строк последует и признание: «Я любима так, как только можно пожелать, моим избранником является мужчина, которого я считаю идеальным, с совершенной нежностью, благородством характера, ума и сердца». Прошел месяц, и Джейн уже предчувствовала полное счастье: «Через несколько дней я буду принадлежать ангелу. Думаю о том, что нужно быть ангелом, чтобы заслужить его». Двадцать четвертого июля 1753 г. они обвенчались.

⁹ Хотя брак Джейн и Чарльза, очевидно, подготовленный их семьями, был весьма скоропалительным, он оказался счастливым, и чувства супругов со

временем, кажется, лишь окрепли. В дневниках за разные годы своего супружества, длившегося более 18-ти лет, леди Джейн постоянно находила новые слова, чтобы признаться супругу в любви. Через месяц после венчания она писала: «18 августа 1753 г. Этот день был счастливым, как и все остальные дни, но еще более счастливым благодаря моему дорогому мужу. Он, действительно, все, что я могу пожелать в этом мире. Какое счастье принадлежать ему! Бог видит мое сердце и знает, как я благодарю Его за благословение, которое превосходит все мои представления о счастье в этом мире».

¹⁰ Через пятнадцать лет брака в дневнике леди Джейн появляются строки: «Воскресенье, 24 июля 1768 г., Лондон. Сегодня годовщина одного из самых счастливых браков, который когда-либо существовал. Пятнадцать лет назад я была неразрывно соединена с лучшим из всех мужчин, который делает меня женщиной настолько счастливой, насколько возможно быть на земле. То, что я писала в своих дневниках с того счастливого времени, дает лишь некоторое представление об этом, но меркнет в сравнении с правдой. Счастье, которое я испытываю от единения сердец и духа, <...> есть счастье в каждом мгновении, и, видит Бог, мне никогда не было повода жаловаться Всевышнему, даже в мелочах, с начала нашего союза до настоящего момента».

¹¹ По прошествии шестнадцати лет брака, когда у супругов уже воспитывались шестеро детей и вскоре ждали седьмого, леди Джейн продолжала признаваться в любви к супругу и остро сострадать его недомоганиям. Так, к примеру, в 1770 г. она записывала в дневнике: «Вечер я провела наедине со своим супругом <...> Какое невыразимое счастье, что существует такой союз как наш!» (10 февраля); «Могу добавить с триумфальным чувством, что каждый день я открываю в своем муже все более возвышенную и чистую доблесть, а также наивысшую доброжелательность. Какое же это невыразимое счастье быть женой такого человека!» (16 февраля); «Между нами воцарилась идеальное сочувствие: когда один страдает, страдает и другой» (18 марта); «Когда он вздыхает, вздыхаю и я, но, увы, это не приносит ему облегчения. Ему не хочется, чтобы я ему прислуживала, он нелюдим, он говорит, что никому не нужно ему помогать, и он со всем справится самостоятельно. Этим он меня опечалил сегодня, о чем я сообщила ему на листе бумаги, который он принял со своей обычной добротой. После этого он исправился, насколько это было для него возможно. Он разрешил мне остаться около его кровати, чтобы почитать для него, перебраться с ним парой слов. Лишь это меня успокаивает в то время, когда он болен и страдает» (12 сентября).

¹² Эта лишь небольшая часть откровенных признаний, записанных в дневниках Джейн Кэткарт, однако и они показывают эмоциональную связь между супругами. Повторюсь, что записи в дневниках леди Джейн лишены литературной обработки, и хотя, безусловно, весьма начитанная английская дама могла ориентироваться на литературные образцы своего времени, она стремилась к точной передаче своих *личных чувств*, а художественные произведения лишь способствовали их воспитанию.

¹³ Эмоциональная связь между супругами предопределила и их отношение к детям, а в дальнейшем — теплую привязанность и дружбу детей между собой¹⁴. В

июле 1768 г. из Лондона с Кэткартами отправились шестеро их отпрысков: старшей Джейн исполнилось 14 лет, младшему Арчибальду — всего 4 года.

¹⁴ Отъезд в Россию предполагал серьезные изменения в образовании и воспитании наследников. Старших сыновей Уильяма (1755—1843) и Чарльза (1759—1788) пришлось забрать из Итона. Дочери Джейн (1754—1790), Мэри (1757—1792) и Луиза (1758—1743) получали домашнее образование, но как оно могло продолжиться в России, их родители не знали. Из тетради расходов семьи становится ясно, что, готовясь к поездке, Кэткарты искали детям достойного наставника (в апреле 1768 г. первые выплаты получил Уильям Ричардсон, закончивший университет Глазго и, кстати, после возвращения в Англию издавший меткие и содержательные записки о России, а вскоре ставший профессором университета Глазго и известным шекспироведом). Перед самым отъездом в июле 1768 г. в семье резко увеличились расходы на учителей музыки, танцев и итальянского языка, на покупку нот и сочинений оперного либретиста Пьетро Метастазियो. Как будет видно из дальнейшего, занятия музыкой и рисованием в России были продолжены. На помощь в образовании дочерей в Петербург в 1769 г. прибыла дальняя родственница Кэткартов Харриет Нил, занимавшаяся с девочками рисованием. Помимо этого в России детям наняли учителей русского и немецкого языков (французский в семье знали), русский язык не менее года пыталась учить и леди Джейн¹⁵.

¹⁵ В Петербурге между придворными обязанностями, политическими беседами, изнурительным трудом по написанию депеш и ведению частной переписки, между праздниками и приемами Кэткарты сохранили тягу к домашнему уединению и времяпрепровождению в узком кругу. Моменты такого счастья леди Джейн обычно описывала в дневниках, лучше всего передающих атмосферу, царившую в семье, когда вокруг не было «чужих». Вот лишь пара таких записей.

¹⁶ Девятого сентября 1769 г. на Каменном острове: «Мы пользуемся каждым часом хорошей погоды, по обыкновению располагаемся рядком (*en lignée*) в своего рода экипаже, вмещающем десять самых общительных людей в мире, которые сидят друг на дружке как на креслах (*assis ensemble comme sur des fauteuils*)».

¹⁷ Тридцать первого марта 1770 г. в Петербурге: «Вот я спокойно уселась на кресле, могу лишь читать, наслаждаться жизнью и думать о своем счастье. Мне доставляет непередаваемое наслаждение ощущать, что я ношу в себе малыша или малышку, который подпрыгивает и двигается так, что это заметит каждый, кто бы ни поглядел на книгу, которую я держу в руках. Ах, какая радость в том, что я чувствую удары живого ребенка, которого могу принести в этот мир. Мой муж вошел в комнату и вскоре вышел, его лицо почти сияло от удовольствия, он хорошо провел утро. Он чувствует себя хорошо, он доволен собой и мною, которую он видит выздоровевшей. Он очень нежно любит меня и, как всегда, полон доброты и заботливого внимания. Вот и прошли эти дни. В конце концов, закончились. Все благополучно. Мои дети, мои слуги, моя подруга [Х. Нил], которая является желанным участником нашего общества, все они со всей чуткостью проявляли ко мне внимание и заботу в течении моей недолгой и легкой болезни».

18 Таким образом, при назначении Чарльза Кэткарта послом в Россию свою роль сыграли многие обстоятельства: и бывшие военные подвиги, и аристократизм, и эрудиция посла, и его почти идеальная семья. Как это могло способствовать успешности дипломатической миссии или, наоборот, предопределить ее неудачи? Здесь, казалось бы, «перетекание частного в общественное» и наоборот складывалось из множества скорее малых, чем больших дел и действий.

19 Первая проблема, которую пришлось решать на уровне правительств двух держав, оказалась связана именно с семьей, а точнее с супругой посла, «посольшей» Кэткарт. Прежде, чем занять соответствующее заявленному статусу положение при дворе и в петербургском свете семейству предстояло пройти церемонию первой аудиенции у императрицы. Событие, на первый взгляд, формальное, потребовало серьезных согласований, но вместе с тем оно сулило и значительные преимущества. Проблема заключалась в интерпретации сторонами значения ритуала целования руки императрице, на котором настаивала российская сторона, видя в нем традиционный жест почитания и подчинения. Со своей стороны, британцы могли усматривать в подобном жесте иное (не *подчинение*, а куртуазное поклонение даме), а потому аудиенция посла была легко согласована и проведена. Но супруга посла имела право появиться при дворе только после своей *малой аудиенции*, и целование дамой руки даме никак в Англии не воспринималось как куртуазный жест; не существовало такого обыкновения и в общеевропейских правилах представления ко двору супругов послов.

20 Такие сложности возникали в России и ранее, они приводили к скандалам и даже отъезду посольств, а потому большинство дипломатических представителей предпочитали жить в Петербурге без семей. Полтора месяца заняли многочисленные согласования, и Лондон под нажимом Кэткарта, все еще надеющегося на славу и успех своей миссии, пошел на соглашение, допустив целование руки на первой аудиенции как соблюдение национальной традиции России. Посол с гордостью писал после представления Екатерине своей супруги, что малая уступка имела важные последствия и для прочих дипломатов, отныне все чаще прибывавших в Россию с семьями, тогда как несоблюдение его супругой российского церемониала целования руки означало бы ее неприятие в свете и возвращение семьи на родину. Прецедент с целованием руки английской «посольшей» имел далекоидущие последствия: в дипломатической культуре России все чаще стали появляться «женские роли». Как и на Западе, здесь супруги послов постепенно становились заметными фигурами, выполняющими не только этикетное представительство¹⁶.

21 После первых аудиенций с представлением посла и «посольши» в конце сентября 1768 г. Кэткарты оказались на вершине не только придворной иерархии (так, мадам *ambassadrice* стала второй после обергофмейстерины дамой российского двора), но и получили немало знаков предпочтения перед дипломатическими представителями других держав. Помимо церемониальных обязанностей, требовавших их присутствия при дворе, они смогли воспользоваться и неформальными связями, оказавшись членами ближнего круга императрицы.

22 Вместе с тем, нет однозначного ответа на вопрос, к каким серьезным политическим последствиям (подразумевающим, в частности, укрепление российско-британского взаимодействия, доверительность в отношениях и информированность относительно действий сторон) привело приближение семьи Кэткартов к императрице. С одной стороны, и Екатерина, и глава внешнеполитического ведомства России граф Н. И. Панин вели с послом тонкую дипломатическую игру, препятствующую победе британской дипломатии в вопросах заключения союзного договора, британского посредничества в решении польских дел, в переговорах с Османской империей. Однако посол Кэткорт не допустил и серьезных ошибок — обострения двухсторонних отношений в непростой политической ситуации. Он умел оставаться желанным собеседником и для императрицы, и для Н. И. Панина, подробно в многостраничных шифрованных депешах информировал Лондон о петербургской политической «кухне» (насколько он мог получать доступ к информации о ней¹⁷). Леди Джейн сообщала в письме своей приятельнице в Англию, что императрица «любит милорда [Кэткарта]», хваля его так, как только можно восхвалять частного человека, «а что касается до меня, я уверена, что она сама меня уважает, выражая мне большие похвалы и симпатии, нежели иным при ее дворе»¹⁸.

23 Кэткарты вовсе не случайно гордились тем, что были первыми иностранными дипломатами, оказавшимися в частных покоях новопостроенного Эрмитажа, что по этим покоям, кабинету и зимнему саду на крыше Кэткартов водила сама Екатерина. С леди Кэткорт императрица нередко играла в карты (чаще всего в пике), на приемах чета непременно оказывалась за столом государыни, причем посла сажали обычно по правую руку от нее. Вероятно, беседы с Екатериной имели своим продолжением социальные и культурные *проекты* («*увражи*»), которые составлялись в семье для императрицы. Так, в июле 1769 г. леди Кэткорт «потратила много часов» на составление записки о кормлении новорожденных и уходе за ними, к которой «посольша» (кстати, сама выкормившая своих детей) собиралась приложить и выкройку одежды для крошек¹⁹. В это же время посол занимался составлением записки об английских парках (об этом ниже). Словом, британская посольская чета прекрасно осознавала *свой особый статус* дипломатических представителей дружественной мировой державы, и при этом — носителей вкуса и стиля Просвещенной Европы. Об исключительном положении семьи британского посла в Петербурге леди *Ambassadrice* имела все основания записать: “<...> *we have been distinguished particulars*”. И они умело пользовались своим особым положением, которое позволяло постоянно присутствовать в обществе, быть заметными, но не заводить близких контактов в свете, плотно затворяя, когда было нужно, двери домашнего очага.

24 Баланс между приватным и общественным учили соблюдать и детей. Свои первые опыты поведения в свете юные Кэткарты получили в Петербурге, и они имгодились во взрослой жизни, когда Джейн-младшая стала герцогиней Атолла, когда Луиза вышла замуж за виконта Стормонта, посла Британии в Париже, когда военная и политическая карьера сделали заметными в британском обществе Уильяма и Чарльза. В Петербурге не только посольская чета, но и их не достигшие совершеннолетия дети стали появляться в театрах и петербургских салонах,

участвовать в придворных церемониалах и развлечениях, заниматься верховой ездой — возможно, в императорском манеже. Осенью 1768 г. свою старшую дочь 14-летнюю Джейн Кэткарты вывезли в Петербурге на ее первый бал, и она танцевала с великим князем Павлом Петровичем²⁰. Дом генерала Глебова на Мойке, снятый почти за 2 000 рублей в год на время пребывания семьи в России, стал заметным салоном, местом встреч и праздников не только представителей британской колонии Петербурга, но и высшего света столицы (леди Джейн отмечает, что они часто принимали за столом по 30 человек и более, устраивали танцевальные вечера для соотечественников и балы, на которых дважды присутствовала сама императрица).

²⁵ О том, как дом посла превратился в место притяжения театральной и музыкальной космополитичной публики Петербурга, свидетельствуют, в том числе, записи в дневниках леди Джейн. Она отмечала, что ради образования детей в их резиденции с февраля 1771 г. стали устраивать регулярные музыкальные встречи — в дневниках миледи они высокопарно называются «нашей музыкальной академией». Начавшись как проект для детей посольской четы, эти вечера увлекли и взрослых, хотя потребовали, судя по всему, немалых затрат. Записи о них в дневниках леди Джейн позволяют отчасти воссоздать культурную жизнь тех лет в Петербурге.

²⁶ Четвертого марта 1771 г.: «У нас уже три недели по четвергам собирается в доме музыкальная академия, занятия которой начинаются после обеда и длятся до часа ночи. Вчерашнее занятие было превосходным, все, кто в нем участвовал, остались очень довольны. От все души благодарю Господа за столь приятную жизнь и за средства, благодаря которым мы можем наилучшим образом обеспечивать образование наших детей. Это всегда должно оставаться одной из наших главных целей. В другой день я могла бы детально рассказать об учителях этой академии, которые практически все итальянцы».

²⁷ Шестого апреля 1771 г.: «Сегодня собирается наша музыкальная академия. Время прошло очень приятно, даже лучше, чем обычно, так как среди нас были люди того же с нами положения, а также люди положением ниже нас. Что может лучше способствовать равенству среди людей, чем наличие у них похвальных талантов? У нас постоянно бывают несколько таких лиц».

²⁸ Пятого мая 1771 г.: «Наши драгоценные дочери [Джейн, Мэри и Луиза] сыграли восхитительные и сложные для их уровня произведения на встрече нашей академии. Они делают успехи не только в музыке, ведь они с большим удовольствием сыграли на итальянском языке и небольшую пьесу Метастазии, называющуюся «Китайки»²¹. Пьеса была поставлена со вкусом и достоинством, после чего ими был спет хором квартет, а затем этот хор исполнил и танец. Сердца их отца и матери переполнились восторгом. Я всей душой прочувствовала это и вознесла мои мысли к Богу, чтобы возблагодарить его».

²⁹ Девятнадцатого мая 1771 г.: «На концерте у нас собралась великая компания, и <...> наши девочки представили лучший свой спектакль, сыграв одну маленькую итальянскую пьесу. Благодарю Всевышнего за великую благодать видеть их такими любезными и успешными, какими мы и желали их видеть. Все

общество расточало нам по этому поводу комплименты. Присутствовали первостепенной значимости россияне (*Russes de la première considération*), а также разные важные члены дипломатического корпуса. Кажется, что все почувствовали себя обязанными за такой прием и хорошо провели время, это чрезвычайный успех!».

³⁰ Об «академии» в доме британского посла ранее, кажется, не было известно, немного написано и о вкладе семейства Кэтартов в становление английского паркового стиля в России²². Английский пейзажный парк привлекал Екатерину с конца 1750-х гг., еще в бытность великой княгиней (об этом говорят ее эксперименты в Ораниенбауме, заказ переводов трудов английских теоретиков пейзажного парка). Но преобразование парковых ансамблей Петербурга и окрестностей стало происходить лишь в 1770-е гг., и определенная роль Кэткартов в этом процессе просматривается. В своих записках леди Джейн несколько раз разочарованно сообщает о «старомодных» садах и парках российской столицы, включая «великолепный Летний сад», и отдает безусловное предпочтение «естественному» пейзажу над «регулярным», «италианским». Приглашение семьи британского посла в 1769—1771 гг. провести летние месяцы на Каменном острове стало важным шагом в преобразении бывшего дворца канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, к этому времени уже подаренного цесаревичу Павлу. Первый план создания *пейзажного парка* на Каменном острове, как удалось недавно доказать, принадлежал именно Кэткурту, его обоснование сохранилось в бумагах Коллегии иностранных дел, что позволяет связывать переход к английскому стилю с заказом, поступившим от главы коллегии Н. И. Панина, а через него, возможно, от самой Екатерины²³.

³¹ Значительно больше известно исследователям о посредничестве леди Кэткарт в заказах российской короной фарфора Веджвуда²⁴. Первый и самый известный заказанный у Веджвуда сервиз — сервиз с лягушкой — сохранил изображения лучших парковых ансамблей Британии, став своего рода визуальным пособием для дальнейших садово-парковых опытов российской императрицы. Как отмечает Энтони Кросс, исследовавший на британских архивных материалах историю заказов в России английского фарфора, Веджвуды считали своей покровительницей именно леди Джейн. Помимо этого историк доказывает, что и модой на «этрасский стиль» Россия была обязана британскому послу и его супруге. Через Джейн Кэткарт императрица просила прислать ей каталоги рисунков этрусских ваз, изданные братом Джейн — послом в Неаполе и антикваром Уильямом Хамильтоном (в русской транслитерации чаще — Гамильтоном). Сами Кэткарты, как кажется, использовали эти же образы в росписи плафонов столовой в своей петербургской резиденции, где Екатерина и имела возможность их рассмотреть. Этрасский стиль, как отмечает Э. Кросс, также нашел отражение в коллекции фарфора, заказанного для императрицы при посредничестве четы Кэткартов²⁵.

³² Семья британского посла не осталась в стороне и от важнейшего проекта визуальной легитимации преемственности власти Екатерины от Петра. В морозном феврале 1769 г. леди Джейн отправилась с дочерью к месту транспортировки Гром-камня, предназначенного для пьедестала будущего Медного всадника. Запись об этой поездке начинается с упоминания о неприятном

частном событии — обмороженной щеке дочери, сопровождавшей родителей «посмотреть на большущий камень, находящийся в 16 верстах (верста составляет $\frac{3}{4}$ мили) от Петербурга». Однако знакомство с инженером проекта транспортировки камня Мареном Карбури (Кеффалонским, 1729—1782), известным в России под именем графа де Ласкари, продолжилось и в дальнейшем, его семья навещала дом посла и, судя по дневниковым записям миледи, входила в узкий круг «друзей». Впрочем, Кэткарты знакомятся и с другими участниками создания памятника Петру: так, 4 марта 1771 г. леди Джейн записала в дневнике, что «посетила месье Фальконе (Falconet) и мадмуазель Колло (Colot)». Фальконе, по свидетельству современника и летописца создания Медного всадника И. Г. Бакмейстера, советовался с Кэткартом по поводу точности изображения коня Петра Великого: «Употребил, наконец, в пользу также и напоминания *других преисполненных искусства знатоков в лошадях*, из коих отменно похваляет он бывшего тогда в Петербурге Аглинского посланника Лорда Каткарта»²⁶. Мари-Анн Колло, создавшая для памятника голову Петра, также оказалась связана (по меньшей мере своими работами) с семьей Кэткартов: в Петербурге она ваяла бюст 14-летней Джейн²⁷ и посмертный барельеф ее матери (1771—1772).

³³ В демонстрации сближения России и Британии сыграло свою роль и такое событие в семье посла, как беременность леди Джейн. Примечательно, как в реакции императрицы на известие о беременности «посольши» соединяются женские интимные заботы и политический интерес. 17/28 января 1770 г. миледи записала в дневник: «В воскресенье императрица рассказала мне, что в городе ходят слухи о моей беременности. Она спросила, правда ли это, и я ответила, что это так, и я в этом убеждена. В ответ с приветливостью и изяществом императрица оказала мне честь, с живейшим участием пожелав мне всяческих успехов и счастья. В этой ситуации, о которой я могла только мечтать, она добавила, что ей было бы приятно, если бы это *приятное прибавление в нашей семье было бы также прибавлением для российской нации* (acquisition <...> serait de la nation Russe). Я в свою очередь заверила ее, что в восторге от перспективы рождения ребенка под покровительством Ее Величества. Этот ребенок будет прекрасным напоминанием на протяжении всей моей жизни о моем пребывании в России. Императрица *как можно более услужливо отвела меня в другие покои и усадила меня, обеспокоенная тем, что я устала от долгого стояния и наблюдения за балом*, который продолжается и по сие время. Вот пример того, что коронованные особы не лишены чувства человечности, которое выражается также вместе с доброжелательностью, началом коей оказываются искренность и симпатия. Они в силах приковать к себе любые сердца, даже сердца иностранцев. В течение всей моей жизни я никогда не забуду ту манеру, с которой эта добрая принцесса (aimable princesse) в этом случае обращалась ко мне. Суверенная императрица в этот конкретный момент показалась мне настоящей подругой, избранной моим сердцем. Это сильное выражение, но эти слова — не преувеличение».

³⁴ Джейн Кэткарт благополучно разрешилась от бремени в июле 1770 г., и событию тут же предали эмблематическое значение: посол стал хлопотать, чтобы новорожденной в честь императрицы Екатерины и британской королевы Шарлотты дали двойное имя Катерина-Шарлотта. Хлопоты счастливого отца

принесли свои плоды — обе правительницы через своих представителей стали восприемниками младенца, крещение совершилось в летней резиденции на Каменном острове, и подарки соответствовали статусу крестных родителей²⁸.

³⁵ Однако всего через год после рождения девочки семью постигло горе, которое ускорило завершение миссии Кэткарта в России и его возвращение на родину. В ноябре 1771 г. «посольша» Джейн скончалась. Миледи болела (предполагается, что она страдала чахоткой, которая унесла жизнь и некоторых других членов семьи²⁹), в дом постоянно приезжал лечивший ее личный врач императрицы доктор Роджерсон, но помочь уже не мог. Смерть леди Джейн повергла детей и мужа в отчаяние. Посол забросил дела, запросился в отставку и, когда Финский залив освободился ото льда и отгремели высокаторжественные дни июня и июля 1772 г., использованные для отдачи прощальных визитов и получения прощальных даров, Кэткорт отбыл с детьми в Лондон. Во время морского путешествия он разбирал тетради своей покойной супруги и зачитывал детям ее дневники. По возвращении в Лондон на дипломатическую службу Кэткорт более не поступал, занимался семейными делами, имением в Шотландии, стал ректором университета Глазго и умер в августе 1776 г.

³⁶ Дети Чарльза и Джейн Кэткорт в частной переписке порой возвращались к воспоминаниям из их российского детства и юности, принимали в своем лондонском доме петербургских знакомых, а самый известный из них — князь Г. Г. Орлов — даже оказался в 1775 г. в гостях у старшей дочери посла, Джейн, герцогини Атолла, в день крещения ее первенца³⁰. Через много лет в Россию вернулся лишь старший сын Джейн и Чарльза — Уильям Кэткорт (1755—1843), участвовавший в войнах и в Америке, и в Европе: с перерывами с 1812 до 1820 гг., как и его отец, Уильям представлял Британию в ранге посла, но уже в александровском Петербурге.

³⁷ Что же в итоге дает история миссии Чарльза Кэткарта, прибывшего с семьей в екатерининскую Россию, для понимания взаимосвязи частного, приватного и «большой политики»? Наверное, это короткое и не самое успешное по итогам пребывание при дворе Екатерины II может рассматриваться как малозначительный эпизод в истории международных отношений. Но интерес к посольству Кэткарта в данном случае не стоит измерять весом достигнутых договоренностей, он лежит в иной плоскости: заслуги посольской четы примечательны расширением культурных контактов, личных связей и примерами эмоционального взаимодействия людей, взращенных эпохой Просвещения. Успехи этого посольства — в усилении трансфера британских стиля и вкуса, становлении того течения, которое получило название *англофилии*. Заинтересованность императрицы в Британии отражала не только экономические предпочтения двух стран, но совместную антифранцузскую политическую линию. А нежелание России брать на себя обязанности перед Британией в военной сфере компенсировалось усилением британского *культурного влияния*. В этом члены семьи британского посла смогли оказать России ряд больших и малых услуг.

³⁸ Изучение большого архива Кэткартов позволяет расцветить и насытить деталями картину дипломатической службы второй половины XVIII в. Анализ дипломатической культуры этого времени показывает, что инструментарий

международных отношений все еще был небогат и успехи посольств зависели не только от договоренностей правительств, но и от семейных, дружеских и родственных контактов, а потому почти все члены семьи иностранного «министра» могли стать важными акторами в политической игре. Появление рядом с послом жены и детей могло значительно усилить вес миссии, включенность ее в общественную и культурную жизнь страны пребывания. А потому, если в будущем удастся за официальными и секретными бумагами дипломатических миссий рассмотреть «частности» жизни и понять особенности ролей и форм как этикетного, так и личного общения, то, вероятно, откроется немало новых смыслов, объясняющих успехи и неудачи в отношениях двух держав.

Примечания:

1. Бессмертный Ю. Л. Частная жизнь и индивид. Предварительные итоги // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М., 1996. С. 347—348.
2. В российских документах, начиная со второй половины XVIII в., существовали разные написания этой фамилии, та же разница сохраняется в современной историографии, включая и работы автора данной статьи.
3. В семейном архиве Кэткартов в Эдинбурге (National Library of Scotland. Manuscript Division. The Cathcart papers. Acc. 12686) сохранены отпуски (то есть копии) корреспонденции Кэткарта. Оригиналы и расшифровки этой корреспонденции находятся в фонде государственных бумаг Национальных архивов Британии: The National Archives of Great Britain. SP 91/79—90. Значительная часть копий нерасшифрованных депеш посла Кэткарта и нескольких частных писем его супруги отложились в фонде перлюстраций Архива внешней политики Российской империи: Архив внешней политики Российской империи. Ф. 6 Оп. 2. Д. 43—49: Перлюстрация переписки английских дипломатов. Частично депеши посла Кэткарта были опубликованы в: Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 12. СПб., 1873; Т. 19. СПб., 1876.
4. National Library of Scotland. Manuscript Division. The Cathcart papers. Acc. 12686/5. Сохранились 23 дневника, а также одна тетрадь с «Записками о Санкт-Петербурге». Листы дневников не нумерованы, поэтому цитируются с указанием даты записи. Даты записей, сделанных в Британии, в дневниках соответствуют григорианскому календарю, а даты записей, сделанных в России, — юлианскому. Отрывки из дневников и “Memoranda of St. Petersburg” приводятся в переводах, выполненных в 2022—2024 гг. Е. Ю. Моряковым, А.-К. Мендоса Перес, М. Д. Аксеновой, Е. Б. Смилянкой при реализации проекта «Россия и русские в корреспонденции и дневниках британских дипломатов при дворе Екатерины II» при поддержке фонда «Гуманитарные исследования» ФГН НИУ ВШЭ.
5. Так, к примеру, 26 февраля 1770 г. она корила себя: «Для меня, действительно, было сюрпризом узнать, что я не записала сюда ни одного слова на протяжении четырех дней. Я сожалею о такой поблажке, которую я дала себе. Ведь мое чтение и другие сходные занятия лишь немного потеряли бы, если бы я уделила записям всего несколько минут, которых было бы достаточно».
6. В августе 1771 г. незадолго до смерти леди Джейн записала в дневнике: «Я только что испытала величайшее удовольствие и исключительное умиление <...> Моя дорогая, моя любезная ученица, очаровательная Мэри, только что призналась мне, что начала вести дневник, подобный моему, следуя советам, которая я ей давала. И она показала мне то, что написала. Признаюсь, что я удивлена, но удивлена бесконечно приятно <...> можно надеяться, что с Божьей помощью, <...> это послужит для нее противоядием от тех оплошностей характера, от которых, как я страшилась, она могла бы пострадать».
7. Об организации и работе британской миссии в Санкт-Петербурге см. подробнее: Смилянская Е. Б. Информаторы, шпионы и агенты британского посла в екатерининской России // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 9 (131). URL: [>>>>](#) (дата обращения: 31.03.2024).
8. В частности, из перлюстрированного письма секретаря Маккартнея Генри Ширли/Ширлея можно предположить, что Маккартней выплачивал солидную сумму за опеку «некоторой госпожи, которую Маккартней красавицей назвал» агенту Бенсону 250 фунтов стерлингов «на год» как «истинной знак есть кавалера Маккартнея дружбы и благосклонности»: Архив внешней политики Российской империи. Ф. 6 Оп. 2 (Секретнейшие дела — Перлюстрации). Д. 43 (Перлюстрация переписки английских дипломатов). Л. 124 об. — 125.
9. Cross A. G. By the Banks of the Neva. Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth Century Russia. Cambridge, 1997. P. 377; Roberts M. Macartney in Russia. L., 1974. P. 73—74.
10. The National Archives of Great Britain. SP 91/79. Fol. 147v, 179. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 12. СПб., 1873. С. 343.

11. С “patch” (черной накладкой на этот шрам) Кэткарта изображали на портретах в 1753—1755 гг. Джошуа Рейнольдс и в 1765 г. Дэвид Аллан. Современники прозвали его “Patch Cathcart”.
 12. Кэткарт отправлял из Петербурга более 3 тысяч листов корреспонденции, от 80 до 105 депеш в год государственным секретарям, а также частные письма. Правда, современный биограф Кэткарта Хамиш Скотт в статье для оксфордского биографического словаря дал Кэткарту как послу весьма уничижительную оценку: *Dictionary of National Biography. Oxford, 2004. P. Vol. 10. P. 539*. Иного мнения придерживается Энтони Кросс: *Cross A. G. Catherine II, the Cathcarts, and Russian Anglophilia // Courtly Gifts and Cultural Diplomacy: Art, Material Culture, and British-Russian Relations / ed. by L. Hardiman. Paderborn, 2023. P. 56, 57*.
 13. На подобное повествование, посвященное детям Чарльза и Джейн Кэткарт, уже дважды вдохновлял исследователей знаменитый портрет Мэри Грэм (урожд. Кэткарт) работы Томаса Гейнсборо. В 1928 г. Маргарет Макстон-Грэм издала часть корреспонденции из семейных архивов Грэмов и Кэткартов (*Maxtone-Graham M. E. The Beautiful Mrs. Graham and the Cathcart Circle. L., 1928*). Портреты членов семьи Кэткартов и их краткая история приводятся также исследователем творчества Гейнсборо Хью Белси: *Belsey H. Gainsborough’s Beautiful Mrs Graham. Edinburgh, 2003*.
 14. М. Макстон-Грэм, опубликовавшая переписку детей Чарльза и Джейн Кэткарт, это превосходно показала.
 15. *National Library of Scotland. Manuscript Division. The Cathcart papers. Acc. 12686/71. P. 43—64*.
 16. Подробнее об этом см.: Смилянская Е. Б. Дипломатический церемониал при дворе Екатерины II // *Quaestio Rossica. 2020. Vol. 8. № 4. С. 1255—1273*.
 17. Смилянская Е. Б. Информаторы, шпионы и агенты британского посла в екатерининской России // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2023. Т. 14. Вып. 9 (131). URL: [>>>](#) (дата обращения: 31.03.2024).
 18. Цит. по: *Maxtone-Graham M. E. The Beautiful Mrs. Graham and the Cathcart Circle. L., 1928. P. 13*.
 19. Примечательно, что, когда через 8 лет у Екатерины родится первый внук Александр, она займется созданием подобия ползунков, но использовала ли она выкройку леди Кэткарт, сказать сложно.
 20. Правда, на пороге 16-летия Джейн, кажется, чуть не сбежала из дома с неизвестным соблазнителем, но все закончилось благополучно и ее честь была спасена.
 21. В источнике представление по либретто Пьетро Метастазियो (1698—1782) названо “Il Cinese”. Известно, что в Вене в этой постановке пела сама императрица Мария Терезия: *Chen J. Maria Theresia and the Voicing of Imperial Self: The Austrian Contexts of Metastasio’s China Operas // Eighteenth-Century Music. 2016. Vol. 13. No. 1. P. 11—34*. См. также: Бочаров Ю. Мастера старинной музыки. М., 2005. С. 206—207.
 22. *Cross A. G. Catherine II, the Cathcarts, and Russian Anglophilia // Courtly Gifts and Cultural Diplomacy: Art, Material Culture, and British-Russian Relations / ed. by L. Hardiman. Paderborn, 2023. P. 64*.
 23. Перевод с французского записки об английском парке на Каменном острове и материалы о жизни семьи в этой их летней резиденции см.: Смилянская Е. Б. “Le jardin Anglais” на Каменном острове: о вкладе британского посла в распространение английского вкуса в екатерининское время // *Человек и власть в России XVII—XVIII веков. Сборник статей к семидесятипятилетию Евгения Викторовича Анисимова. СПб., 2022. С. 325—344*.
 24. *Cross A. G. Catherine II, the Cathcarts, and Russian Anglophilia // Courtly Gifts and Cultural Diplomacy: Art, Material Culture, and British-Russian Relations / ed. by L. Hardiman. Paderborn, 2023. P. 66—69*.
 25. *Ibid. P. 66—68*.
 26. Бакмейстер И. Г. Историческое известие о изваянном конном изображении Петра Великого, сочиненное коллежским ассессором и библиотекарем Имп. Академии наук Иваном Бакмейстером / переведено Николаем Карандашевым. Санктпетербург, 1786. С. 46.
 27. Бедретдинова Л. М. Петербургские произведения Мари-Анн Колло // *Русское искусство Нового времени / ред.-составитель И. В. Рязанцев. Вып. 9. М., 2005. С. 136—156*. Распространено мнение, что Коло исполнила и бюст одиннадцатилетней Мэри Кэткарт: гипсовый оригинал с датой «1768 г.» находится в коллекции Лувра, мраморные версии — в Русском музее и Музея изящных искусств в Нанси (незаконченная версия). Впрочем, я склонна согласиться с Л. М. Бедретдиновой, что этот бюст не является изображением Мэри. См. подробнее: Бедретдинова Л. М. Юная Екатерина или дочь английского посла? // *Мир музея. 2002. № 4. С. 29—31*.
 28. Подарок от Екатерины II — бриллиантовый эгрет — впоследствии в Британии был продан за внушительную сумму в 800 фунтов стерлингов: *Maxtone-Graham M. E. The Beautiful Mrs. Graham and the Cathcart Circle. L., 1928. P. 18*.
 29. Однозначно о туберкулезе в семье Кэткартов пишет современный британский исследователь Хью Белси: *Belsey H. Gainsborough’s Beautiful Mrs Graham. Edinburgh, 2003*.
 30. *Maxtone-Graham M. E. The Beautiful Mrs. Graham and the Cathcart Circle. L., 1928. P. 62, 64—66*.
-

Библиография:

1. Бакмейстер И. Г. Историческое известие о изваянном конном изображении Петра Великого, сочиненное коллежским ассессором и библиотекарем Имп. Академии наук Иваном Бакмейстером / пер. Н. Карандашева. СПб., 1786.
2. Бедретдинова Л. М. Юная Екатерина или дочь английского посла? // Мир музея. 2002. № 4. С. 29—31.
3. Бедретдинова Л. М. Петербургские произведения Мари-Анн Колло // Русское искусство Нового времени / ред.-сост. И. В. Вып. 9. М., 2005. С. 136—156.
4. Бессмертный Ю. Л. Частная жизнь и индивид. Предварительные итоги // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М., 1996. С. 345—354.
5. Бочаров Ю. Мастера старинной музыки. М., 2005.
6. Смилянская Е. Б. Дипломатический церемониал при дворе Екатерины II // *Quaestio Rossica*. 2020. Vol. 8. № 4. С. 1255—1273.
7. Смилянская Е. Б. “Le jardin Anglais” на Каменном острове: о вкладе британского посла в распространение английского вкуса в екатерининское время // Человек и власть в России XVII—XVIII веков. Сборник статей к семидесятипятилетию Евгения Викторовича Анисимова. СПб., 2022. С. 325—344.
8. Смилянская Е. Б. Информаторы, шпионы и агенты британского посла в екатерининской России // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 9 (131). URL: <https://history.jes.su/s207987840028139-1-1/> DOI: 10.18254/S207987840028139-1
9. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 12. СПб., 1873; Т. 19. СПб., 1876.
10. Belsey H. *Gainsborough’s Beautiful Mrs Graham*. Edinburgh, 2003.
11. Chen J. Maria Theresia and the Voicing of Imperial Self: The Austrian Contexts of Metastasio’s China Operas // *Eighteenth-Century Music*. 2016. Vol. 13. No. 1. P 11—34.
12. Cross A. G. *By the Banks of the Neva. Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth Century Russia*. Cambridge, 1997.
13. Cross A. G. Catherine II, the Cathcarts, and Russian Anglophilia // *Courtly Gifts and Cultural Diplomacy: Art, Material Culture, and British-Russian Relations* / ed. by L. Hardiman. Paderborn, 2023. P. 54—72.
14. Maxtone-Graham M. E. *The Beautiful Mrs. Graham and the Cathcart Circle*. L., 1928.
15. Roberts M. *Macartney in Russia*. L., 1974.

The Lovely Family of the British Ambassador in Saint Petersburg and the “Big Politics” of Catherine II

Elena Smilyanskaya

Higher School of Economics

Russian Federation, Moscow

Abstract

The family archive of the Scottish aristocrats Cathcarts, which until recently did not attract serious attention from researchers, contains rich material for a discussion about the “diffusion” of public and private in history (as Yu. L. Bessmertny thought about). Charles 9th Lord Cathcart was British ambassador to the Russian court from 1768 to 1772. The Cathcart’s mission left not only extensive diplomatic correspondence, but private papers too, including diaries and notes of the ambassador’s wife, Lady Jane (1726—1771). The article is based on translations of Lady Jane’s handwritten diaries. Based on these family records, possible trajectories are presented for studying the roles of the ambassador’s family members in the implementation of the tasks of the diplomatic mission in the second half of the 18th century in Russia, including in the field of culture, personal contacts with the Russian Empress, and the transformation of forms of both etiquette and private communication.

Keywords: British Diplomacy, Catherine II, Russo-British relations in the eighteenth century, Anglophilia, the Cathcart family archives

Publication date: 31.07.2024

Citation link:

Smilyanskaya E. The Lovely Family of the British Ambassador in Saint Petersburg and the “Big Politics” of Catherine II // ISTORIYA. – 2024. – V. 15. – Issue 6 (140).

URL: <https://history.jes.su/s207987840031743-6-1/>. DOI:

10.18254/S207987840031743-6